

УДК 340

***СМАРТ-КОНТРАКТЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ:
КОЛЛИЗИОННЫЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО
ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ***

Самойлова А.С.¹

студент,

Белгородский государственный университет,

Белгород, Россия

Аннотация

В статье исследуются коллизионно-правовые аспекты применения смарт-контрактов в трансграничных частноправовых отношениях. На основе анализа доктринальных источников и зарубежного законодательства рассматриваются правовая природа смарт-контрактов, подходы к их регулированию в различных юрисдикциях и возникающие коллизионные проблемы. Особое внимание уделяется вопросам определения применимого права к автоматизированным сделкам, реализуемым посредством блокчейн-технологий. Авторы приходят к выводу о применимости традиционных коллизионных механизмов к смарт-контрактам при условии их адаптации к особенностям цифровой среды, а также формулирует рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, международное частное право, коллизионное регулирование, применимое право, автономия воли, *lex petrolea*, цифровизация, трансграничные сделки.

¹ Научный руководитель – Яковлев Валерий Иванович, доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

SMART CONTRACTS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW: CONFLICT-OF-LAWS ASPECTS OF AUTOMATED PERFORMANCE OF OBLIGATIONS

Samoilova A.S.

Student,

Belgorod State University,

Belgorod, Russia

Abstract

The article examines the conflict-of-laws aspects of the use of smart contracts in cross-border private law relations. Based on the analysis of doctrinal sources and foreign legislation, the legal nature of smart contracts, approaches to their regulation in various jurisdictions and emerging conflict-of-laws problems are considered. Particular attention is paid to the issues of determining the law applicable to automated transactions implemented through blockchain technologies. The authors concludes that traditional conflict-of-laws mechanisms are applicable to smart contracts, provided they are adapted to the specific features of the digital environment, and formulates recommendations for improving legal regulation in this area.

Keywords: smart contract, blockchain, private international law, conflict-of-laws regulation, applicable law, party autonomy, *lex petrolea*, digitalization, cross-border transactions.

Современный международный коммерческий оборот переживает период глубокой трансформации, обусловленной стремительным внедрением цифровых технологий. Одним из наиболее заметных явлений последнего десятилетия стало появление смарт-контрактов – компьютерных алгоритмов, предназначенных для автоматизированного совершения и исполнения сделок в децентрализованных реестрах (блокчейн-платформах). Концепт смарт-контракта, впервые описанный Ником Сабо как «компьютеризированный протокол транзакций, выполняющий условия контракта» [8], сегодня находит практическое применение в самых Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

разных сферах – от международной торговли сырьевыми товарами до страховых и банковских услуг. Так, например, в 2016 году израильский производитель Ognia осуществил поставку сыра и масла сейшельской компании с использованием смарт-контракта и аккредитива на блокчейне, сократив время закрытия сделки с обычных десяти дней до четырех часов [7]. В нефтегазовом секторе крупнейшие компании (Chevron, Shell, ExxonMobil и др.) учредили блокчейн-консорциум для упрощения цепочек поставок и автоматизации расчетов [1].

Вместе с тем, трансграничный характер таких сделок с неизбежностью порождает классическую для международного частного права проблему – конфликт законов. Отсутствие единообразного материально-правового регулирования смарт-контрактов и их децентрализованная природа обостряют коллизионную проблему, делая актуальным исследование механизмов определения применимого права к отношениям, возникающим из автоматизированных договоров.

Понятие и правовая природа смарт-контракта до сих пор остаются предметом научных дискуссий. В доктрине и законодательстве различных стран сложились две основные модели: согласно первой, смарт-контракт представляет собой программный код, технологию, обеспечивающую автоматическое исполнение обязательств, но не создающую новый договор (техничко-ориентированный подход); согласно второй – это самостоятельный вид договора, заключаемого в электронной форме с особым механизмом исполнения (делко-ориентированный подход) [4]. Первая модель нашла отражение в законодательстве Республики Беларусь, где Декретом Президента № 8 от 21 декабря 2017 г. смарт-контракт определен как «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне)... в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок» [4]. Аналогичным образом итальянский Закон 135/2018 характеризует смарт-контракт как «компьютерную программу, работающую на основании технологии распределенного реестра» [4]. Вторая модель преобладает в Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Великобритании, где Правовая комиссия в 2021 году пришла к выводу, что смарт-контракты способны создавать юридически обязывающие соглашения, соответствующие требованиям общего права, и к ним следует применять традиционные принципы договорного права [6].

Российская доктрина и законодатель демонстрируют промежуточный подход. Как отмечает Д.В. Андриянов, «использование компьютерных алгоритмов не создает новый договор. Это исключительно вопрос формы сделки. Стороны заключают трансграничную нефтегазовую сделку в традиционной форме, где часть обязательств, поддающихся автоматизации, записывается на языке программирования» [1]. Аналогичной позиции придерживается Е.Е. Богданова, рассматривая смарт-контракт как «элемент договора, который заключается в электронной форме с автоматизированным с помощью компьютерной программы исполнением возникшего обязательства» [1]. В российском законодательстве после реформы ГК РФ 2019 года выражение воли с помощью электронных средств приравнено к простой письменной форме сделки (ст. 160, 434 ГК РФ), что создает нормативную основу для признания смарт-контрактов. Тем не менее, как справедливо указывает В.П. Пантюшина, «смарт-контракт автоматизирован, что наделяет стороны ответственностью за исполнение обязательства ещё на этапе его согласования», и это качество отличает его от традиционных электронных договоров.

Для международного частного права принципиальное значение имеет не столько дискуссия о правовой природе смарт-контракта, сколько вопрос о применимом праве к отношениям, осложненным иностранным элементом. Трансграничный характер смарт-контрактов проявляется в том, что стороны могут находиться в разных юрисдикциях, блокчейн-узлы распределены по всему миру, а исполнение обязательств происходит в цифровой среде, не привязанной к конкретной территории. В таких условиях коллизионный метод регулирования становится доминирующим, особенно в отсутствие унифицированных материально-правовых норм [1].

Ключевым началом коллизионного регулирования договорных обязательств в большинстве правовых порядков является принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*). Как отмечается в литературе, стороны смарт-контракта вправе выбрать применимое право, и такой выбор должен признаваться действительным, если он явно выражен или с очевидностью следует из условий договора [1]. Д.В. Андриянов, анализируя возможность применения Регламента «Рим I» к смарт-контрактам, приходит к выводу, что «положения Регламента применяются не к смарт-контракту как таковому, а только к контракту, который он помогает исполнить». Вместе с тем, если смарт-контракт признается юридически действительным согласно применимому праву (например, праву штата Делавэр или Небраски, где принято специальное законодательство о смарт-контрактах), то и к нему напрямую могут применяться коллизионные нормы Регламента.

Однако практическая реализация автономии воли в смарт-контрактах сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, программный код может не содержать явного указания на применимое право, что требует обращения к субсидиарным коллизионным привязкам. Во-вторых, как подчеркивает М.В. Мажорина, в условиях сетевой парадигмы МЧП возрастает значение негосударственных регуляторов – *lex petrolea*, *lex mercatoria*, которые конкурируют с национальным правом [1]. В-третьих, техническая архитектура блокчейна создает неопределенность относительно локализации юридически значимых действий. Как пишет В.П. Пантюшина, «возможна ситуация, при которой IP-адрес может быть зарегистрирован в одной стране, а участник правоотношений может являться представителем другой, что создает практическую и теоретическую проблему надлежащего определения применяемого права» [8].

В доктрине предлагаются различные варианты решения этой проблемы. А.А. Волос называет возможные коллизионные привязки: «право страны нахождения сервера; право страны преимущественного осуществления Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

деятельности технического специалиста; личный закон собственника сервера» [8]. Однако, как отмечает тот же автор, более предпочтительным является установление специальной коллизионной нормы, которая бы учитывала специфику смарт-контрактов и отсылала к праву страны, наиболее тесно связанной с отношением. В отсутствие выбора права суды или арбитражи вынуждены применять гибкие критерии, перечисленные в ст. 4 Регламента «Рим I» или ст. 1211 ГК РФ: место заключения договора, место нахождения предмета сделки (например, нефтегазового пласта), место жительства сторон, язык договора и др. [1].

Особую остроту коллизионная проблема приобретает в специфических отраслях международной торговли, например, в нефтегазовом секторе. Д.В. Андриянов обращает внимание на феномен *lex petrolea* – транснационального нефтегазового права, формирующегося на основе обычаев делового оборота, типовых контрактов и арбитражных решений. В условиях сетевой экономики и децентрализации источников регулирования возрастает риск коллизии права и «неправа», что требует от правоприменителя поиска баланса между государственным регулированием и автономией профессионального сообщества [1].

Анализ зарубежного опыта показывает, что государства идут разными путями в решении коллизионных проблем смарт-контрактов. В США специальное законодательство, принятое в штатах Делавэр, Аризона, Вайоминг и др., признает юридическую силу смарт-контрактов, но при этом автономия воли сторон ограничена требованием «существенной связи» выбранного права с контрактом (Restatement (Second) of Conflict of Laws § 187) [1]. В Европейском союзе помимо Регламента «Рим I» важную роль играют Директива 2000/31/ЕС «Об электронной коммерции» и Регламент № 910/2014 «Об электронной идентификации», которые создают базовые условия для признания электронных сделок [4]. Принятый в 2023 году Закон о данных (Data Act) содержит прямые требования к смарт-контрактам, включая наличие механизма «аварийного

Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

выключателя» (kill switch), что должно обеспечить возможность принудительного прекращения или изменения контракта в случае нарушений [6]. При этом, как отмечает Т.Д. Ламаппулаге Донн, «даже смарт-контракты, полностью состоящие из программного кода, могут быть действительны в соответствии с Конвенцией ООН о международной купле-продаже товаров, поскольку они удовлетворяют условиям оферты и акцепта» [6].

Несмотря на прогрессивное развитие законодательства, остаются нерешенными многие практические вопросы. К их числу относятся: определение юрисдикции по спорам из смарт-контрактов; ответственность за ошибки в программном коде; возможность оспаривания автоматически исполненных транзакций; допустимость принудительного изменения условий смарт-контракта судом или арбитражем. В доктрине высказываются предложения о создании специализированных онлайн-арбитражей, обладающих технической экспертизой, а также о наделении арбитров полномочиями по корректировке исполнения смарт-контрактов при обнаружении программных ошибок [3].

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, смарт-контракт не является принципиально новым правовым явлением, а представляет собой особую форму заключения и исполнения договора, к которой применимы общие коллизионные принципы международного частного права. Во-вторых, ключевым инструментом определения применимого права остается автономия воли сторон, однако ее реализация в цифровой среде требует выработки дополнительных критериев для случаев отсутствия явного выбора. В-третьих, существующие международные и национальные коллизионные нормы (Регламент «Рим I», ст. 1211 ГК РФ) обладают достаточной гибкостью для адаптации к особенностям смарт-контрактов, но нуждаются в доктринальном и судебном толковании применительно к новым технологическим условиям.

В качестве рекомендаций по совершенствованию правового регулирования предлагается: 1) на международном уровне разработать типовой закон или

Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

руководящие принципы по коллизионному регулированию смарт-контрактов, учитывающие специфику блокчейн-технологий; 2) национальным законодателям предусмотреть специальные коллизионные привязки для смарт-контрактов, отсылающие к праву страны, с которой отношение наиболее тесно связано, с указанием примерного перечня релевантных факторов (место нахождения основного узла блокчейна, место жительства сторон, место исполнения основного обязательства); 3) развивать практику включения в смарт-контракты арбитражных оговорок и прямого указания на применимое право, что позволит минимизировать правовую неопределенность; 4) способствовать гармонизации национальных законодательств в сфере цифровых сделок, используя положительный опыт штатов США и Европейского союза. Реализация этих мер позволит обеспечить баланс между инновационным потенциалом смарт-контрактов и необходимым уровнем правовой защищенности участников трансграничного оборота.

Библиографический список:

1. Андриянов Д.В. Применение смарт-контрактов и блокчейн-платформ в трансграничных нефтегазовых сделках: обострение коллизионной проблемы / Д.В. Андриянов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 84–94.
2. Дзаурова А.Б. «Смарт-контракты» в международном частном праве / А.Б. Дзаурова, А.Д. Ситникова // Аллея науки. – 2019. – № 1 (28). – [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://alley-science.ru> (Дата обращения 09.04.2026).
3. Ефимова Л.Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах / Л.Г. Ефимова, И.В. Михеева, Д.В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 78–105.

4. Корчагин А.Г. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных государствах / А.Г. Корчагин, Я.Е. Гулевский // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 10А. – С. 435–441.

5. Нерсесян Г.Г. Смарт-контракты в международном частном праве / Г.Г. Нерсесян // ONLINE. – 2021. – 17 декабря. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48553380> (Дата обращения 09.04.2026).

6. Ламаппулаге Донн Т.Д. Смарт-контракты в международной торговле: европейские правовые стратегии преодоления трудностей / Т.Д. Ламаппулаге Донн // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1. – № 4. – С. 1042–1057.

7. Орлова Г.А. Разработка и применение смарт-контрактов в международной торговле / Г.А. Орлова, Ю.А. Савинов, В.А. Орешкин, Е.В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 11. – С. 47–57.

8. Пантюшина В.П. Проблемы и перспективы правового регулирования смарт-контрактов / В.П. Пантюшина // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – 2021. – № 15. – С. 1–12.